

О. А. Солопова
К. А. Наумова
Челябинск, Россия

Гибридные форматы дискурса: проблемы классификации

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема типологии разновидностей дискурса. Особое внимание уделяется месту гибридных форматов в классификации типов дискурса. Предметом исследования являются структурные свойства гибридных форматов дискурса, целью — характеристика их специфики и типологических признаков. Материал исследования представлен выборкой из военно-политического и военно-публицистического дискурсов США по проблематике Ближнего Востока: конфликты в Ираке (2002–2005) и в Сирии (2012–2015). Текстовый материал изучается с использованием типологического метода, сопоставительного метода, метода критического дискурс-анализа. В основе характеристики лежит перечень компонентов, разработанный В. И. Карасиком, который включает участников, хронотоп, цели, ценности, стратегии, материал, жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы. Рассматриваемые гибридные форматы дискурса представляют собой сочетание дискурс-основ (военного, политического, публицистического типов дискурса). Военный дискурс задает концептуальные компоненты гибридных форматов, в то время как политический и публицистический типы дискурса определяют их содержательную наполненность. Авторы полагают, что подобное междискурсивное взаимодействие представляет собой не просто наложение одного дискурса на другой: взаимопроникновение и интеграция характеристик тех или иных типов дискурса порождает качественно новый формат дискурса, не сводимый к механической сумме их составляющих. Авторы приходят к выводу, что несмотря на наличие общей дискурс-основы и ряда интегральных компонентов (хронотоп, стратегии, «дискурсивные ловушки», тематика, жанры, прецедентные тексты, дискурсивные формулы), военно-политический и военно-публицистический форматы дискурса демонстрируют принципиальные различия на уровне таких ключевых компонентов как агенты, цели и ценности. Результаты работы представляют интерес для широкого круга отечественных и зарубежных специалистов в области дискурс-анализа, политической лингвистики, политологии, международных отношений и международного права и могут быть использованы в преподавании названных дисциплин в вузовской практике.

Ключевые слова: классификация дискурсов; типы дискурсов; гибридный формат; военно-политический дискурс; военно-публицистический дискурс.

O. A. Solopova
K. A. Naumova
Chelyabinsk, Russia

Hybrid Discourse Formats: Classification Issues

Abstract. The article deals with a relevant linguistic issue of discourse typology. The authors pay special attention to the place of hybrid discourse formats in discourse classification. The study focuses on structural properties of hybrid discourse formats and is aimed at characterizing their peculiarities and typological features. The study is based on the material of military-political and military media US discourses that concern the Middle East problem: Iraq (2002–2005) and Syria (2012–2015) Wars. The material is investigated through typological, comparative and critical discourse analysis methods. Discourse description is based on the list of components developed by V. I. Karasik. The list consists of participants, chronotope, aims, values, strategies, materials, genres, precedent texts and discourse formulae. The hybrid formats are a combination of base discourses (military, political, media discourses). Military discourse determines the conceptual components of hybrid formats, while political and media discourses characterize their content-related components. The authors argue that such inter-discourse relations cannot be treated as a mere discourse overlapping: the mutual penetration and integration of characteristics generate a completely new discourse type that is not equal to a simple sum of the parts. The authors come to the conclusion that despite a common discourse base and a number of integral components (chronotope, strategies, «discourse traps», topics, genres, precedent texts, discursive formulae) military-political and military media discourses are completely different in terms of such key components as agents, aims and values. The results of the study are of interest to a wide range of Russian and foreign specialists in discourse analysis, political linguistic, political science, international relations and international law. They can be applied to teaching these disciplines at institutions of higher education.

Keywords: discourse classification; types of discourse; hybrid format; military-political discourse; military-publicistic discourse.

Введение. Для современной лингвистики характерен дискурсивный поворот, парадокс которого состоит в том, что до сих пор сохраняет актуальность методологическая проблема соотношения понятий дискурса, текста, стиля, жанра, отсутствуют единое определение термина «дискурс» и строгая классификация его типов. Трудности типологии разновидностей дискурса связаны со сложным внутренним строением дискурса, многообразием типов, исследовательских принципов и подходов, наличием типологически существенных признаков для некоторых разновидностей, часто не сводимых к исходным типологическим чертам, что особенно

актуально для гибридных форматов дискурса. Типовая принадлежность конкретной разновидности дискурса является не абсолютной, а относительной величиной, устанавливаемой на основании преобладающих типовых черт. Поэтому типологическая характеристика дискурса должна включать определение системы перекрещивающихся координат, на основе которых можно дать многостороннюю характеристику форматов дискурса. Данное утверждение находит свое подтверждение в работе отечественного лингвиста А. А. Кибрика [Кибрик 2008], который объясняет проблему классификации типов дискурса существованием многочисленных, незави-

симых друг от друга переменных, «дающих невероятно сложную комбинаторику различных возможностей», что позволяет сделать вывод о сложности обнаружения «чистых» типов дискурса и необходимости смещения исследовательского акцента в пользу подробного изучения «комбинаторики типов дискурса» или гибридных форматов дискурса.

Цель и методология исследования. Целью работы является характеристика структурных свойств гибридных форматов дискурса, определение их специфики, типологических признаков и места в общей классификации. Объектом исследования являются военно-политический и военно-публицистический форматы дискурса. В качестве иллюстративного материала используются военно-политический и военно-публицистический дискурсы США по проблематике Ближнего Востока. В частности, речь идет об интервенции в Ирак и операции «Иракская свобода» (2002–2005 гг.), а также о политике Б. Обамы в отношении Сирии (2012–2014 гг.). Данные хронологические рамки обусловлены схожестью исторических обстоятельств, обвинением ближневосточных государств в обладании оружием массового поражения, заявлениями о необходимости военной интервенции и свержения действующего режима.

В основу исследования положена гипотеза о наличии существенных различий между гибридными форматами дискурса, имеющими общую дискурсно-основу и сочетающими характеристики и свойства двух и более типов дискурсов [Кашкин 2004; Юсупова 2009]. Авторы полагают, что взаимопроникновение и интеграция характеристик тех или иных типов дискурса порождает *качественно новый* формат дискурса, не сводимый к сумме его составляющих.

В целях реализации основной идеи используются общенаучные методы типологического и сопоставительного анализа, а также дисциплинарный метод критического дискурс-анализа. Типологический метод нацелен на изучение внутренней организации дискурса и его закономерностей; на выявление типологически релевантных черт и на объединение дискурсов в некоторые классы (типы); на поиск и установление специфических черт изучаемых дискурсов. Сопоставительный метод используется в целях изучения существенных признаков дискурс-основ и их гибридного формата, а также в целях сравнения признаков гибридных форматов и установления их сходных черт и специфических различий.

Выбор критического дискурс-анализа обусловлен соответствием его принципов цели данного исследования. Основными особенностями критического направления являются лингвистически-ориентированный подход; трактовка дискурса как коммуникативной акции; интерпретация дискурса как способа властвования. Данный установок придерживается большинство представителей критического дискурс-анализа как методологического направления [Chilton 2004; Chouliaraki, Fairclough 1999; Dijk 2015; Fairclough 1995; Kress 1985; Wodak, Meyer 2001].

В качестве основы для типологизации дискурсов используется классификация В. И. Карасика,

который предлагает подразделять дискурс на личностный и институциональный в зависимости от статусно-ролевых характеристик участников общения, считая «степень каноничности дискурса основанием для его типизации» [Карасик 2002: 200–208]. Критериями для сопоставления военно-политического и военно-публицистического форматов являются компоненты, присущие любому институциональному типу дискурса, к которым относятся участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, материал (тематика), разновидности и жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы.

Выбор данной классификации обусловлен возможностью ее применения для характеристики практически любого типа дискурса. Несмотря на широкое освещение проблемы классификации типов дискурса в отечественной и зарубежной дискурсологии [Карасик 2002; Кибрик 2009; Почепцов 2001; Чернявская 2012; Cook 1989; Dijk 1981], ни одна из существующих классификаций не может в полной мере претендовать на универсальность. Возможно, это связано с тем, что, как утверждает Г. Г. Почепцов, типы дискурса задаются обществом и тем «режимом правды», который функционирует в социуме в определенную историческую эпоху [Почепцов 2001: 207].

Обсуждения и результаты. В современной дискурсологии наряду с интенсивной разработкой теории политического (Алешина; Герасимов; Демьянков; Солопова; Чудинов; Шейгал; Chilton; Fairclough I., Fairclough N.; Wodak), военного (Олянич; Уланов; Michaels) и массмедийного (Володина; Иссерс; Dijk; Fowler; Richardson; Talbot) дискурсов неоправданно дефицитны комплексные работы, посвященные анализу его гибридных форматов (военно-политического, военно-публицистического и других) [Бачурин 2014; Киселёва 2015; Кучинская 2011; Солопова, Салтыкова 2018; Солопова, Чудинов 2018; Хомутова, Наумова 2017; Швейцер 1973], что обуславливает актуальность изучения специфики военно-политического и военно-публицистического дискурсов.

Интегративный характер военно-политического и военно-публицистического форматов дискурса детерминирован сочетанием военного, политического и публицистического типов дискурса, определяющих характеристику компонентов гибридных форматов. При этом военный дискурс задает концептуальные компоненты гибридных форматов (хронотоп, цели, участники, ценности), в то время как политический и публицистический типы дискурса определяют их содержательную наполненность (стратегии, тематика, прецедентные тексты, дискурсивные формулы): несмотря на общность «инструментария» военно-политического и военно-публицистического дискурсов (стратегии, материал, разновидности и жанры, прецедентные тексты, дискурсивные формы), глубинные различия в природе данных форматов определяются, прежде всего, участниками, руководствующимися своими целями и ценностями, и хронотопом.

Для выявления специфики гибридных форматов дискурса в таблице представлена характеристика компонентов военно-политического и военно-публицистического форматов дискурса (Таблица).

Таблица

**Сравнительная характеристика компонентов военно-политического
и военно-публицистического форматов дискурса**

Компонент	Формат дискурса	
	Военно-политический	Военно-публицистический
Участники		
Агенты	Первые лица государства; представители военных ведомств на высшем уровне; высокие представители МИД; главы международных организаций; государственные СМИ.	Представители СМИ; военные и политические структуры, предоставляющие информацию журналистам; независимые и оппозиционные СМИ; представители международных организаций на разных уровнях.
Клиенты	Непосредственная или имплицитная аудитория.	
Хронолог В узком смысле	Пресс-конференции; заседания в рамках работы международных организаций, совещания на уровне министерств, появление материала в СМИ и т. д.	
В широком смысле	Хронологические рамки и география военного конфликта, отдельного сражения или события, связанного с подготовкой и проведением военных операций.	
Цели	Инициация военных действий; обоснование их необходимости.	Недопущение войны; расследование истинных мотивов инициации военных действий, прекращение войны при условии ее неизбежности.
	Информирование населения о ходе войны; формирование общественного мнения; дифференцированное воздействие на аудиторию.	
Ценности	Мессианские установки.	Пацифистские ценности, война как исключительное средство самообороны.
	Воззвание к чувству патриотизма и народному единению для решения общей проблемы.	
Стратегии	Стратегия на понижение; стратегия на повышение; стратегия театральности.	
Материал (тематика)	Международные отношения, международное право, вопросы войны и мира и т. д.	
Разновидности и жанры	Доклад, выступление на пресс-конференции или в парламенте; выступление на заседании органов международных организаций (пр.: Организация Объединенных Наций, Организация Североатлантического Договора); обращение к нации; интервью; статья и т. д.	Аналитическая статья, обзор, интервью, хроника, журналистское расследование и т. д.
Прецедентные тексты	Военно-техническая документация, имена великих полководцев и военачальников, значимые события театра военных действий прошлого и т. д.	
	Доклады, выступления и обращения политических лидеров государств, глав военных ведомств и международных организаций.	
Дискурсивные формулы	Военная терминология и клише; разноуровневые образные средства.	

Представленные в таблице данные демонстрируют, что помимо схожих черт, детерминированных интегративным характером рассматриваемых форматов дискурса, существуют специфические отличия на уровне ключевых компонентов, таких как участники, цели и ценности.

Центральным компонентом любого дискурса являются его **участники**. В случае военно-политического дискурса можно говорить о его элитарности и о доступе к его инструментам узкого круга лиц, что связано с ограниченным доступом к информации военно-политического характера. К агентам военно-политического дискурса США отно-

сятся президент и госсекретарь, которые задают основные направления внешней политики. Американские политологи Э. Гершков и Ш. Кушнер утверждают, что имеющиеся у американцев представления о международных отношениях складываются на основании «интерпретации событий политическими элитами, а не в результате анализа событий как таковых» [Gershkof, Kushner 2005: 526]. Независимые и оппозиционные СМИ представляют альтернативную точку зрения. Одними из таких СМИ являются известные американские издания The New York Times и The Atlantic, репортеры которых неоднократно выступали с критикой Дж. Буша-

младшего и его государственного секретаря — К. Пауэлла, а позднее — К. Райс.

Клиенты военно-политического и военно-публицистического дискурса — население, задача которого определиться с тем, какая точка зрения наиболее соответствует его ценностным ориентациям. Осуществление целей как военно-политического, так и военно-публицистического типов дискурса невозможно без полномасштабной поддержки населения.

Основная **цель** военно-политического дискурса — инициация военных действий, убеждение общественности в необходимости принятия военных мер и оправдание принятых решений. Столь масштабная манипуляция общественным сознанием подразумевает апелляцию к традиционным **ценностям** и естественным потребностям человека, таким как чувство патриотизма, потребность в безопасности и единении перед лицом общего врага. Планомерная апелляция Дж. Буша-младшего к традиционным ценностям позволила начать операцию «Иракская свобода» 20 марта 2003 г. За четыре дня до вторжения президент обратился к народу с выступлением, в котором утверждал, что С. Хусейн представляет угрозу для сложившегося мирового порядка («*The dictator of Iraq and his weapons of mass destruction are a threat to the security of free nations*»¹) [President Bush [http](#)]. За три дня до вторжения степень психологического давления нарастает, меняются выражения, в которых описывается угроза, исходящая от противника: «*Intelligence gathered by this and other governments leaves no doubt that the Iraq regime continues to possess and conceal some of the most lethal weapons ever devised*»² [President says [http](#)]. У населения, не имеющего альтернативных источников получения информации, складывается определенное представление о внешнеполитической ситуации, соответствующее потребностям властей.

В основе военно-публицистического дискурса заложена противоположная **цель** недопущения войны и формирования у населения альтернативной точки зрения. Обладая ограниченным доступом к информации и меньшими ресурсами власти, представители военно-публицистического дискурса вынуждены опираться на традиционные общечеловеческие **ценности**, такие как права человека, недопустимость насилия и чувство патриотизма, которое проявляется в недопущении гибели граждан собственной страны ради защиты чужих интересов. В ноябре 2002 г. в газете *The Atlantic* вышла статья под названием «*The fifty-first state?*»³ [The Fifty-First State? [http](#)], в которой Дж. Фаллоус анализировал возможные последствия вторжения в Ирак и пришел к выводу, что в день, «когда война подойдет к концу, Ирак станет американской проблемой» («*Regardless of*

these differences, the day after a war ended, Iraq would become America's problem, for practical and political reasons»⁴) [там же]. Автор утверждает, что в случае уничтожения существующего порядка, Ирак по праву сможет претендовать на внимание и финансовую поддержку со стороны США. Журналист задается закономерным вопросом, готова ли Америка к подобным долгосрочным обязательствам. Концепт «патриотизм» является ключевым как для военно-политического, так и для военно-публицистического дискурса, но при этом содержание его раскрывается и используется по-разному.

Несмотря на указанные различия, ряд компонентов военно-политического и военно-публицистического форматов имеют схожий характер.

Один из таких компонентов — **хронотоп**, совпадающий для военно-политического и военно-публицистического типов дискурса в узком и в широком смысле с тем лишь различием, что участники военно-политического дискурса активно вовлечены в процесс выстраивания международных отношений, в то время как участники военно-публицистического дискурса выполняют роль пассивного наблюдателя за исключением пресс-конференций, на которых представители СМИ имеют право задавать свои вопросы. Можно говорить о некоторой подчиненности и «вторичности» военно-публицистического дискурса. В широком смысле речь идет об освещении одних и тех же военных конфликтов и подготовки к ним. Всплеск интереса СМИ к готовящемуся вторжению в Ирак стал ответной реакцией на заявления первых лиц США об угрозе, исходящей от ближневосточного государства.

Хронологические рамки военно-политического и военно-публицистического типов дискурса также совпадают. Хронологические рамки данного исследования были выбраны неслучайно: 2002 год ознаменовался активной подготовкой общественного мнения к предстоящему вторжению, 2003 год запомнился наземной операцией «Иракская свобода». 2004 год характеризуется анализом последствий активной фазы операции и оценкой предстоящей работы по восстановлению институтов власти в Ираке. Если говорить о Сирии, то 2012 год прошел под знаком прекращения дипломатических отношений между США и Сирией. 2013 стал годом активной подготовки общественного мнения к военному вмешательству в дела Сирии. 2014–2015 годы представляют собой фазу военной операции сил США на сирийской территории.

Еще один компонент, общий для обоих форматов, — **стратегии**. Речь идет о трех основных стратегиях: стратегия на повышение, стратегия на понижение и стратегия театральности, использование которых зависит от конкретных исторических обстоятельств.

Стратегия театральности характеризуется высокой эмоциональностью и используется для убеждения аудитории в правильности выбранного курса. К ней часто прибегают участники военно-

¹ Пер.: *Иракский диктатор и его оружие массового поражения представляют угрозу безопасности всех свободных наций.*

² Пер.: *Разведывательная информация, собранная нашим и другими правительствами, не оставляет сомнений в том, что иракский режим по-прежнему имеет и скрывает одни из самых смертоносных видов вооружений, когда-либо созданных человеком.*

³ Пер.: *Будет ли Ирак пятьдесят первым штатом США?*

⁴ Пер.: *Несмотря на данные различия, в день, когда война подойдет к концу, Ирак станет американской проблемой в силу практических и политических причин.*

политического дискурса в связи с тем, что одна из сторон — население — играет роль пассивного наблюдателя, воспринимающего военные и политические события как театральное представление. Примером может служить речь К. Пауэлла на заседании Совета Безопасности ООН 5 февраля 2003 года, когда он принес в зал заседаний пробирку, якобы содержащую вещество, подтверждающее успехи Ирака в ядерной программе. Позже данный эпизод был охарактеризован как «пробирка Пауэлла» («*Colin Powell tube*») и часто вменялся в вину бывшему президенту и его госсекретарю.

Используя стратегию на повышение, участник дискурса стремится повысить собственную значимость в глазах общественности, стратегия на понижение реализуется за счет умаления статуса противника. Учитывая, что военно-политический и военно-публицистический форматы дискурса преследуют разные цели, реализация перечисленных стратегий осуществляется по-разному.

Данные стратегии претворяются в жизнь за счет использования «дискурсивных ловушек», описанных Дж. Майклсом в работе «*The discourse trap and the US military*» [Michaels 2013]. К подобным «ловушкам» автор причисляет эффект бумеранга, эксплуатацию популярных идей и маргинализацию дискурса. Использование этих «ловушек» зависит от экстралингвистического контекста.

Эффект бумеранга, используемый в рамках стратегии на понижение, встречается в двух случаях: во-первых, когда терминология, использованная политиком, «заимствуется» его оппонентами, чтобы скомпрометировать намеченный курс. Во-вторых, когда дискурс создается с определенными целями и на непродолжительный срок, однако продолжает свое существование и отклоняется от первоначального смысла. Иллюстративным примером данной дискурсивной ловушки может служить предвыборный дискурс Б. Обамы и его обещание не допустить непосредственного присутствия США на территории Сирии («*there would be no “boots on the ground” in Syria*»), впоследствии использованные против президента СМИ.

Для ловушки «эксплуатация популярных идей» как части стратегии на повышение характерно желание политических акторов извлечь выгоду из популярных дискурсов. В первом случае оригинальное значение или авторство дискурса считаются утраченными, и все большее число акторов начинают приписывать себе данный дискурс, придавая ему новый смысл. Чем больше акторов прибегают к эксплуатации данного дискурса, тем серьезнее становится риск возникновения путаницы на данную тему. Во втором случае чем больше акторов прибегают к использованию одного дискурса, тем выше его шансы занять доминирующую позицию. Именно это произошло с американской идеей распространения демократии («*to bring democracy*»). Используемая для легитимации любых политических инициатив, она приобрела негативную коннотацию и значение, противоположное тому, которое вкладывалось в нее изначально.

Маргинализация дискурса используется в тех случаях, когда какой-либо дискурс становится до-

минирующим. В некоторых случаях маргинализация альтернативных идей носит непреднамеренный характер, однако, она может выступать как часть продуманной стратегии на понижение. Доминирующим дискурсом США можно назвать дискурс об американской исключительности («*American exceptionalism*»), ставший национальной идеей США.

Логично предположить, что сверхзадача военно-политического дискурса — грамотно расставить «ловушки», в то время как военно-публицистический дискурс будет либо поддерживать официальный курс, либо бороться с пропагандой.

Стоит отметить, что общность компонентов военно-политического и военно-публицистического дискурса не ограничивается хронотопом и стратегиями. Вне зависимости от взаимоотношений между участниками военно-политического и военно-публицистического форматов дискурса и тот, и другой вращаются вокруг одной и той же **тематик**, посвященной вопросам международных отношений, международного права и связанных с ними вопросам войны и мира.

Единство тематик и функции убеждения приводят к общности таких компонентов как **прецедентные тексты и дискурсивные формулы**.

Использование одних и тех же прецедентных текстов объясняется функционированием военно-политического и военно-публицистического форматов дискурса в рамках одного и того же общества, поэтому интертекстуальные включения достигают поставленных целей только при условии обращения к текстам и произведениям культуры, понятным для каждого представителя данного социума. Для западного сообщества подобными прецедентными текстами выступают, например, Конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950) и Устав ООН (1945), ссылка на которые сопровождает едва ли не каждый политический акт.

Следует отметить, что одним из ресурсов интертекстуальности для военно-публицистического дискурса выступает военно-политический формат. В этой связи можно привести пример печально известного заявления Дж. Буша-младшего о том, что миссия США в Ираке продолжается («*our mission continues*»), которое было сделано на фоне баннера «*Mission Accomplished*» (*Миссия выполнена*), что не осталось незамеченным СМИ. Примечательно, что данное высказывание остается прецедентным и по сей день: в апреле 2018 года президент США Д. Трамп воспользовался им по случаю нанесения воздушных ударов по Сирии, чем вызвал негативные ассоциации у СМИ.

Сходство дискурсивных формул обусловлено, во-первых, гибридной природой рассматриваемых форматов дискурса, что позволяет свести воедино информативность и фактологичность военного дискурса и декоративность политического и публицистического типов, во-вторых, совпадающими основными функциями двух форматов — убеждающей и манипулятивной, реализация которых предполагает использование разноуровневых образных средств для достижения требуемого эффекта. Военно-политический дискурс рассматриваемых хронологи-

ческих срезов характеризуется частотным использованием средств образной выразительности, среди которых наиболее распространенной является когнитивная метафора, что сближает его с военно-публицистическим форматом: *But what's happened with this radical, violent extremism is that it's metastasized and it's spread to other areas (11 сентября 2015 г.)*¹ [Remarks by the president [http](#)]. Метафора «Война — это болезнь» свойственна и дискурсу Дж. Буша, предшественника Б. Обамы, но употребляется она в отношении другого ближневосточного государства: *We agree that the Iraqi dictator must not be permitted to threaten America and the world with horrible poisons and diseases and gases and atomic weapons (7 октября 2002 г.)*² [President Bush outlines [http](#)].

Таким образом, принципиальные отличия военно-политического и военно-публицистического форматов дискурса связаны с такими компонентами, как участники, цели, ценности и хронотоп, в то время как стратегии, тематика, прецедентные тексты и дискурсивные формулы остаются неизменными. Подобное сходство объясняется присутствием убеждающей и манипулятивной функций в обоих форматах дискурса, что приводит к использованию одних и тех же средств и способов подачи материала.

Выводы. В современной лингвистике проблема классификации типов дискурса по-прежнему остается не решена по объективным и непреодолимым причинам, связанным со сложностью внутреннего строения дискурса и многообразием исследовательских принципов и подходов к его изучению. Отсутствие универсальной классификации поднимает закономерный вопрос о месте гибридных дискурсов среди существующего многообразия форматов дискурса.

Военно-политический и военно-публицистический дискурсы принадлежат к гибридным форматам и представляют собой сочетание дискурс-основ, которое не является механической суммой составляющих, а дает начало качественно новому формату дискурса.

Несмотря на наличие общей дискурс-основы и ряда интегральных компонентов (хронотоп, стратегии, «дискурсивные ловушки», тематика, жанры, прецедентные тексты, дискурсивные формулы), военно-политический и военно-публицистический форматы дискурса демонстрируют принципиальные различия на уровне таких ключевых компонентов, как агенты, цели и ценности, что подтверждает тезис об образовании качественно новых институциональных форматов дискурса, заслуживающих особого места в классификации типов дискурса и отдельного изучения специалистами в области дискурсологии.

ЛИТЕРАТУРА

¹ Пер.: *То, что произошло с этим радикальным и жестоким экстремизмом, нельзя охарактеризовать иначе как распространение метастазов и заражение новых территорий.*

² Пер.: *Мы согласны в том, что иракскому диктатору не должно быть дозволено угрожать Америке и миру чудовищными ядами, болезнями, отравляющими газами и атомным оружием.*

Бачурин В. Д. Манипулятивные технологии, применяемые СМИ в современном военно-политическом дискурсе // Политическая лингвистика. — 2014. — № 4. — С. 99–104.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. — 331 с.

Кашикин В. Б. Дискурс: учебное пособие. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004. — 71 с.

Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. — 2009. — № 2. — С. 3–21.

Киселева С. А. Функционирование эвфемизмов в современном английском военно-политическом дискурсе (структурно-семантический и прагматический аспекты): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. — М., 2015. — 240 с.

Кучинская Е. А. Жанр и композиция текста в военной периодике (коммуникативно-семантическое моделирование): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. — М., 2011. — 467 с.

Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. — М.: Рефл-бук, 2001. — 656 с.

Солопова О. А., Салтыкова М. С. Битва прошлого, битва за прошлое: «Курская Дуга» в военно-публицистическом дискурсе союзников // Взаимодействие языков и культур: мат-лы междунар. науч. конф. 28–30 мая 2018 г. — 2018. — № 1. — С. 135–139.

Солопова О. А., Чудинов А. П. Диахронический анализ метафор в британском корпусе текстов: колокола победы и Russia's V-day // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия: Лингвистика. — 2018. — № 2. — С. 313–337.

Хомутова Т. Н., Наумова К. А. Военно-политический дискурс как особый тип дискурса // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». — 2017. — № 3. — С. 49–53.

Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учебное пособие. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. — 128 с.

Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика: о газетно-информационном и военно-публицистическом переводе. — М.: Военное издательство министерства обороны СССР, 1973. — 281 с.

Юсупова Т. С. Структурные особенности военного дискурса // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2009. — № 4. — С. 1055–1057.

Chouliaraki L., Fairclough N. Discourse in late modernity: rethinking critical discourse analysis. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999. — 168 p.

Cook G. Discourse. — Oxford: Oxford University Press, 1989. — 169 p.

Fairclough N. Critical discourse analysis. The critical study of language. — London: Longman, 1995. — 265 p.

Gershkoff A., Kushner S. Shaping public opinion: The 9/11-Iraq Connection in the Bush Administration's Rhetoric // Perspectives on Politics. — 2005. — № 3. — P. 525–537.

Kress G. Linguistic processes in sociocultural practice. — Victoria: Deakin university, 1985. — 101 p.

Michaels J. The discourse trap and the US military. — New York: PALGRAVE MACMILLAN, 2013. — 267 p.

Van Dijk T. A. Critical discourse analysis // Handbook of Discourse Analysis. — 2015. — Vol. 1. — P. 466–485.

Van Dijk T. A. Studies in the pragmatics of discourse. — The Hague: Mouton publishers, 1981. — 331 p.

Wodak R., Meyer M. Methods of critical discourse analysis. — London: SAGE publications, 2001. — 200 p.

President Bush: Monday «Moment of Truth» for World on Iraq. — Mode of access: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/03/200303163.html> (date of access: 05.11.2018).

President Bush Outlines Iraqi Threat. — Mode of access: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/10/20021007-8.html> (date of access: 23.02.2018).

President Says Saddam Hussein Must Leave Iraq Within 48 Hours. — Mode of access: https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/03/2003_0317-7.html (date of access: 05.11.2018).

Remarks by the President in Town Hall at Fort Meade. — Mode of access: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/09/14/remarks-president-town-hall-fort-meade> (date of access: 05.11.2018).

The Fifty-First State? — Mode of access: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2002/11/the-fifty-first-state/302612/> (date of access: 05.11.2018).

REFERENCES

Bachurin V. D. Manipulyativnye tekhnologii, primenyaemye SMI v sovremenном voenno-politicheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. — 2014. — № 4. — S. 99–104.

Karasik V. I. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs. — Volgograd: Peremena, 2002. — 331 s.

Kashkin V. B. Diskurs: uchebnoe posobie. — Voronezh: Izd-vo VGU, 2004. — 71 s.

Kibrik A. A. Modus, zhanr i drugie parametry klassifikatsii diskursov // Voprosy yazykoznaniiya. — 2009. — № 2. — S. 3–21.

Kiseleva S. A. Funktsionirovanie evfemizmov v sovremenном angliyskom voenno-politicheskom diskurse (strukturno-semanticheskii i pragmaticheskii aspekty): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. — M., 2015. — 240 s.

Kuchinskaya E. A. Zhanr i kompozitsiya teksta v voennoy periodike (kommunikativno-semanticheskoe modelirovanie): dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. — M., 2011. — 467 s.

Pocheptsov G. G. Teoriya kommunikatsii. — M.: Refbuk, 2001. — 656 s.

Solopova O. A., Saltykova M. S. Bitva proshlogo, bitva za proshloe: «Kurskaya Duga» v voenno-publitsisticheskom diskurse soyuznikov // Vzaimodeystvie yazykov i kul'tur: matly mezhdunar. nauch. konf. 28–30 maya 2018 g. — 2018. — № 1. — С. 135–139.

Solopova O. A., Chudinov A. P. Diakhronicheskii analiz metafor v britanskom korpuse tekstov: kolokola pobedy i Russia's V-day // Vestnik Rossiyskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya: Lingvistika. — 2018. — № 2. — S. 313–337.

Khomutova T. N., Naumova K. A. Voенno-politicheskii diskurs kak osobyi tip diskursa // Vestnik YuUrGU. Seriya «Lingvistika». — 2017. — № 3. — S. 49–53.

Chernyavskaya V. E. Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeystviya: uchebnoe posobie. — M.: FLINTA: Nauka, 2012. — 128 s.

Shveytser A. D. Perevod i lingvistika: o gazetno-informatsionnom i voenno-publitsisticheskom perevode. — M.: Voенnoe izdatel'stvo ministerstva oborony SSSR, 1973. — 281 s.

Yusupova T. S. Strukturnye osobennosti voennogo diskursa // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. — 2009. — № 4. — S. 1055–1057.

Chouliaraki L., Fairclough N. Discourse in late modernity: rethinking critical discourse analysis. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999. — 168 p.

Cook G. Discourse. — Oxford: Oxford University Press, 1989. — 169 p.

Fairclough N. Critical discourse analysis. The critical study of language. — London: Longman, 1995. — 265 p.

Gershkoff A., Kushner S. Shaping public opinion: The 9/11-Iraq Connection in the Bush Administration's Rhetoric // Perspectives on Politics. — 2005. — № 3. — P. 525–537.

Kress G. Linguistic processes in sociocultural practice. — Victoria: Deakin university, 1985. — 101 p.

Michaels J. The discourse trap and the US military. — New York: PALGRAVE MACMILLAN, 2013. — 267 p.

Van Dijk T. A. Critical discourse analysis // Handbook of Discourse Analysis. — 2015. — Vol. 1. — P. 466–485.

Van Dijk T. A. Studies in the pragmatics of discourse. — The Hague: Mouton publishers, 1981. — 331 p.

Wodak R., Meyer M. Methods of critical discourse analysis. — London: SAGE publications, 2001. — 200 p.

President Bush: Monday «Moment of Truth» for World on Iraq. — Mode of access: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/03/200303163.html> (date of access: 05.11.2018).

President Bush Outlines Iraqi Threat. — Mode of access: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/10/20021007-8.html> (date of access: 23.02.2018).

President Says Saddam Hussein Must Leave Iraq Within 48 Hours. — Mode of access: https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/03/2003_0317-7.html (date of access: 05.11.2018).

Remarks by the President in Town Hall at Fort Meade. — Mode of access: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/09/14/remarks-president-town-hall-fort-meade> (date of access: 05.11.2018).

The Fifty-First State? — Mode of access: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2002/11/the-fifty-first-state/302612/> (date of access: 05.11.2018).

Информация об авторах

Ольга Александровна Солопова — доктор филологических наук, профессор кафедры «Лингвистика и перевод», Южно-Уральский государственный университет (Челябинск).

Адрес: 454080, Россия, г. Челябинск, пр. Ленина 76.

E-mail: o-solopova@bk.ru.

Ксения Андреевна Наумова — аспирант кафедры «Лингвистика и перевод», Южно-Уральский государственный университет (Челябинск).

Адрес: 454080, Россия, г. Челябинск, пр. Ленина 76.

E-mail: naumova.ksenia94@mail.ru.

About the authors

Olga Aleksandrovna Solopova — Doctor of Philology, Professor of Linguistics and Translation Department, South Ural State University (Chelyabinsk).

Ksenia Andreevna Naumova — Post-graduate Student of Linguistics and Translation Department, South Ural State University (Chelyabinsk).